

И. И. Верняев
**РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ, АДАПТАЦИЯ И УКОРЕНЕНИЕ
ПОРЕФОРМЕННОЙ ЮСТИЦИИ НА ОКРАИНАХ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ***

doi: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-33-42

УДК 94(47):342.56 ББК 63.3(2)522-36

Продолжаются дискуссии о том, в какой мере были успешны судебные реформы 1864 г., особенно в отношении окраин Российской империи. Одни исследователи говорят о провале реформы, несоответствии новой унифицированной системы поликультурному контексту. В меньшей степени представлены мнения об относительном успехе реформы, о взаимной адаптации новой системы правосудия и местных сообществ. В статье приводятся аргументы в пользу второй из этих историографических концепций. Исследуются процессы регионализации и укоренения новых имперских судебно-правовых институтов на окраинах. Рассматриваются главным образом западные регионы и Закавказье. Сделан вывод о региональной стабилизации кадровых корпусов мировой юстиции, значительной и увеличивающейся доле представителей местных уроженцев среди судей. Эти процессы сочетались с тенденцией на профессионализацию и демократизацию. Исследуется роль института почетных судей в адаптации новой юстиции. Изучена среда новых посредников — средних и низших служащих при судах, легальных и нелегальных адвокатов, консультантов, переводчиков и пр. — в процессах взаимной аккомодации нового правосудия и местных сообществ. Обращается внимание на взаимодействие пореформенных судов с различными типами местных судебных институтов. В заключении оценивается динамика судебной активности. Сделан вывод о существенном росте взаимодействия местных сообществ и пореформенной имперской юстиции.

Ключевые слова: *Российская империя, окраины, пореформенная юстиция, этноконфессиональные и локальные сообщества, институциональные посредники, регионализация и адаптация судебных институтов*

Продолжаются споры о том, были ли успешны судебные реформы второй половины XIX — начала XX в. Одни авторы доказывают, что модернизационные и унифицирующие изменения в соответствии с Судебными уставами 1864 г. были несвоевременны и неуместны в полиэтноконфессиональной стране, разрушительны по отношению к партикуляристским институтам как оптимальной форме включения регионов, сообществ и их элит в систему имперского управления. В наиболее радикальной степени эту позицию выразил Й. Баберовски. Он полагает, что распространение пореформенных судебных институтов на окраины империи было провальным. Реформа усилила культурно-правовой дуализм — различия в по-

нимании права, справедливости, природы преступления, в приемлемых формах наказания и компенсации ущерба, уместных практиках разрешения конфликтов. Изменения отделили от судебных функций элиты, лишив империю опытных посредников в организации правосудия. Партикулярный тип инклюзии был подорван, а новый, общегражданский, не сформировался.¹ Т. Пирсон на материалах сенаторских ревизий доказывал провал мировой юстиции во внутренних и западных губерниях.² На несоответствие принципов новой юстиции с правовыми представлениями большинства обращали внимание А. Н. Медушевский, Т. В. Шатковская и др.³

Верняев Игорь Иванович — к.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; с.н.с., Тюменский государственный университет (г. Санкт-Петербург; г. Тюмень)
E-mail: i.verniyev@spbu.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)» (рук. Е. А. Крестьянников)

¹ См.: Baberowski J. Autocratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996. S. 339–427, 781–791; Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. Vol. 2. P. 344–368.

² См.: Pearson Th. Russian Law and Rural Justice: Activity and Problems of the Russian Justices of the Peace, 1865–1889 // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1984. Bd. 32, H. 1. S. 52–71.

³ См.: Медушевский А. Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? Доклад и обсуждение. М., 2014; Шатковская Т. В. Реализация правовых представлений россиян о справедливом правосудии в процессе адаптации к институту мирового суда // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 38–42.

В то же время ряд исследователей отрицают наличие резкого дуализма правовых культур, не обнаруживают отчуждения от пореформенной системы, обращают внимание на формирование новых посредников и частичную инкорпорацию прежних. К. П. Краковский приходит к заключению, что широкие слои населения приняли реформу и активно взаимодействовали с пореформенными судами. Актуальная тема исследования, по его мнению, роль судебной реформы в преодолении правового дуализма.⁴ С. Кирмзе в исследовании по Таврической и Казанской губерниям пришел к выводу, что татарско-мусульманское население активно взаимодействовало с пореформенной юстицией. Исследователь констатировал, что поразительно большое количество татар при наличии выбора предпочитали общеимперские суды. Государственный закон и пореформенное правосудие играли все большую роль в повседневной жизни.⁵ Как доказала Дж. Ньюбергер, сотни тысяч горожан разных социальных страт относительно легко адаптировались к официальной правовой культуре: они активно обращались к судебным институтам для разрешения конфликтов, рост числа дел опережал рост населения.⁶ Множество исследований по региональной контекстуализации пореформенной юстиции проведено в последние десятилетия на материалах центральных губерний, Поволжья, Северного Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Степного края. В меньшей мере эти вопросы исследованы в отношении западных, прибалтийских, закавказских губерний и Бессарабии. Обобщения, межрегиональные сравнения и типология осуществлены в известных трудах Н. М. Корневой, М. В. Немытиной, С. В. Лонской, А. Д. Поповой, Н. И. Горской, А. А. Демичева, Л. С. Нестеренко. Важный вопрос о сословной юстиции, ее связи с общегражданским правосудием рассматривался в трудах Дж. Бёрбэнк, И. А. Поппа, Н. И. Горской. Ценные методики визуализации данных по составу и деятельности судов разрабатывает Д. В. Михаэлис. Обширный критический об-

зор литературы конца XIX — начала XXI в. по пореформенной юстиции, сделанный недавно К. П. Краковским, помогает получить общее представление как об успехах, так и о недостатках, тематических и территориальных лакунах в изучении пореформенной юстиции.⁷ Обзор литературы по региональной реализации судебной реформы содержится в монографии и статьях автора настоящей статьи.⁸

Обобщим вопросы, которые пока не получили должного освещения и ожидают детального анализа. Исследовательский интерес смещен к подготовке реформы, ее первым этапам и институционально-нормативной специфике. В то же время наблюдается явный недостаток анализа реального функционирования, конкретных судебных дел, формальных и неформальных судебных практик, взаимодействия судей с местными сообществами. Многие работы написаны в жанре историко-фактографической справки (имеют, как выразился К. П. Краковский, «компилятивно-констанционный характер»). Недостаточно исследованы служебные траектории, динамика состава судебных корпусов (например, вопрос о том, как сочетались межрегиональные ротации и стабилизации). Недостаточно уделяется внимания вопросам соотношения имперской, профессиональной, этноконфессиональной, сословной, локальной идентичности судей. Не хватает внимания формальным и неформальным связям с этносословными судебными институтами и локальными формами разрешения конфликтов, анализу околосудебной среды. Методически слаб уровень исследования судебной активности (например, приводятся абсолютные данные о динамике дел, без расчета на единицу населения, что затрудняет межрегиональное сравнение). Недостаточно внимания уделяется соотношению в судебной практике общеимперского, регионального,

⁷ См.: Краковский К. П. Указ. соч. С. 11–103.

⁸ См.: Верняев И. И. Историческая динамика судебно-правовой интеграции Российской империи. СПб., 2021. С. 6–11; Он же. Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 4. С. 1240–1256; Он же. Мировая юстиция в Бессарабской губернии: сравнительный анализ в имперском контексте // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 5–15; Он же. Профессионализация, демократизация и «коренизация» корпуса мировых судей Юго-Западного края в позднеимперской России // Былые годы. 2021. № 16 (4). С. 1835–1848; Он же. Динамика кадрового состава имперской мировой юстиции в Прибалтийском крае, 1889–1913 гг.: русификация vs коренизация, элитарность vs демократизация // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1 (45). С. 61–93.

⁴ См.: Краковский К. П. Судостроительство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864–1881 годы). М., 2019. С. 82, 181, 182, 662–664. (История суда и правосудия в России; Т. 4).

⁵ См.: Kirmse S. The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia. Cambridge, 2019.

⁶ См.: Neuberger J. When the Word Was the Deed: Workers vs. Employers Before the Justices of the Peace // Workers and the Intelligentsia in Late Imperial Russia: Realities, Representations, Reflections. Berkeley, 1999. P. 292–308.

обычного и конфессионального права. Далеко не исчерпан потенциал архивных источников — материалов судебных процессов, служебных формуляров, ревизий и отчетов, региональной периодики, мемуарной литературы и пр.

Цель статьи — наметить основные параметры исследования процессов взаимной адаптации пореформенной судебной системы и населения окраин Российской империи, главным образом западных и южных. Анализируется то, как сообщества осваивали и использовали имперские судебные институты, «проникали» в них и как государственная юстиция приспособилась к местному разнообразию. Между полным отторжением и полным принятием располагается обширный спектр практик и взаимодействий, нуждающийся в детальном анализе — своего рода «этнографии» судебной и околосудебной сферы. Основное внимание уделяется мировому суду как базовой институциональной площадке этих процессов. Новизна исследования заключается в следующем: 1) дана оценка региональной стабилизации судебных корпусов; 2) исследованы три взаимосвязанных процесса: демократизация, профессионализация и кадровое «укоренение» судебных корпусов; 3) поставлен вопрос и сделаны наблюдения относительно сочетания формальных и неформальных практик взаимодействия пореформенной юстиции, этнословных судов, околосудебной среды и местных сообществ; 4) использована более адекватная, чем в других работах, методика оценки судебной активности населения.

Одним из признаков укоренения низового звена пореформенной системы правосудия стала стабилизация судебных корпусов. При распространении нового суда на неземские губернии выборная система выдвижения и утверждения мировых судей была заменена назначением. Но это не препятствовало кадровой стабилизации. Местные уроженцы или присланные извне кандидаты нередко многие годы служили на судебных должностях. Отчасти это было связано со все большей профессионализацией. Обычной была следующая траектория: получив юридическое образование в имперском университете региона или ином учебном заведении, выпускник получал назначение на канцелярские должности при судебной палате, становился кандидатом на судебную должность, а затем мог быть назначен мировым судьей в этом же регионе. Затем более или менее продолжительный срок су-

дья служил в своем округе. В других случаях присланный извне юрист мог задержаться на судебных должностях округа назначения на долгие годы. Сочетание профессионализма и знакомства с особенностями региона создавали оптимальные условия исполнения должности имперского судьи. Так формировался устойчивый костяк судебных корпусов. Приведем примеры.

В Юго-Западном крае судьи назначались. Анализ показал тенденцию стабилизации регионального судебного корпуса вместе с профессионализацией, демократизацией и своего рода «коренизацией». Если в 1890 г. в корпусе участковых мировых судей Юго-Западного края доля выходцев из неэлитарных групп (крестьян, мещан, казаков, низших служащих) составляла 5 %, то к 1913 г. она выросла до 25 %. Доля дворян снизилась с 50 до 26 %. Большинство вакансий заполняли выпускники Киевского и Новороссийского университетов. По данным за 1890 г., 26 % мировых судей служили в своем участке 10 и более лет. По данным на 1913 г., 54 % судей с десятилетним и более стажем служили в течение десяти и более лет в одном участке. Еще большая доля судей служила длительный срок в рамках одной губернии и тем более края. Некоторые из судей были настоящими старожилами, взаимодействуя с местным сообществом в течение четверти века и более.⁹ Анализ антропоники, места рождения, сословной приписки, нахождения недвижимости показывает, что с 1890-х гг. происходило увеличение доли уроженцев юго-западных и малороссийских губерний среди мировых судей края. В Киевской и Волынской губерниях к 1913 г. она достигла 3/5 состава.¹⁰ Эти наблюдения соответствуют выводам С. Величенко о губернских администрациях.¹¹ Изучение формуляров показало, что имперский и профессиональный этос сочетались с привязанностью к региону. Судьи высказывали желание служить в родном крае. В ходатайствах указывалось на климат, близость

⁹ См.: Список чинам ведомства Министерства юстиции за 1890 год. СПб., 1890. С. 43–106; Список чинам ведомства Министерства юстиции за 1913 год. СПб., 1913. С. 255–348, 679–712.

¹⁰ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 517. Д. 324; Оп. 522. Д. 2384; Оп. 523. Д. 1544; Оп. 524. Д. 66, 2455; Оп. 529. Д. 137, 181; Оп. 544. Д. 667, 706, 2100, 2662, 3157, 3223, 3411, 3718, 5002, 5814, 6142, 6444, 6507, 6546, 7815, 8904, 9119; Оп. 545. Д. 9549, 9830а, 10089, 10351, 10830, 11131, 12421, 12471, 14313, 14851, 14933, 14969, 15676.

¹¹ См.: Velychenko S. Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54, № 2. P. 188–208.

своего хозяйства и недвижимости, необходимость ухаживать за родственниками. Как правило, они удовлетворялись.¹²

В закавказских губерниях пореформенная юстиция функционировала с 1868 г. По данным на 1894 г., из 178 мировых судей 39 % были представителями коренных народов — грузин, армян, азербайджанцев. В закавказской периодике отмечалось, что судьи служат в своих отделах длительный срок, хорошо знают население и языки.¹³ В материалах ревизии 1882 г. зафиксировано, что «туземная интеллигенция» стремится к должностям судей и часто занимает их. В Кахетии все мировые судьи — местные уроженцы.¹⁴ Многие из русских судей служили в Закавказье долгие годы, хорошо зная местные условия и культуру.¹⁵ В 1900–1910-е гг. кадровая политика в регионе была неустойчивой. Председатель Тифлисской палаты А. В. Кочубей поддерживал продвижение местных уроженцев. Сменивший его в 1910 г. Н. Н. Лагода при одобрении министра И. Г. Щегловитова препятствовал их назначению. Но по настоянию Кавказского наместника И. И. Воронцова-Дашкова к 1913 г. эти ограничения были сняты.¹⁶

Бессарабская губерния — регион, который относился ко внутренним губерниям, но обладал рядом особенностей имперской окраины. Мировые судьи на большей части губернии были выборными. Исключением стал Измаильский уезд, который вошел в состав империи в 1878 г. Здесь судьи назначались. Судейский корпус отличался высоким качеством и стабильностью. По данным на 1889 г., среди выборных судей 70 % имели высшее образование (второе место в империи), а среди назначенных в Измаильском уезде все имели высшее образование. Треть судей к 1889 г. прослужили уже четыре трехлетних цикла. Большинство судей были уроженцами региона — молдаванами, украинцами, местными русскими.¹⁷

По данным на 1889 г., в Российской империи было 812 мировых судей по назначению. Из них 47 % занимали свои должности 10 и более лет.¹⁸ Это не обязательно был один и тот же участок, но по большей части перемещения происходили в рамках округа судебной палаты. Эта цифра позволяет охарактеризовать уровень стабилизации корпусов мировой юстиции окраин как высокий.

В историографии мало обращалось внимания на роль почетных мировых судей в аккомодации пореформенной юстиции. По закону они участвовали в мировых съездах, единолично разбирали гражданские дела при обращении к ним обеих сторон. Но если в центральных губерниях эта должность была скорее формальностью,¹⁹ то на окраинах местные элиты и выходцы из более широких слоев были значительно активнее в стремлении к статусу почетного судьи и деятельно участвовали в правосудии. Этот институт стал одним из каналов укоренения новой юстиции.

Для польских элит Западного края позиции почетных судей компенсировали ограничения в доступе к иным местам. Наблюдатели отмечали, что поляки благодаря своей активности в качестве почетных судей «получали известную долю политической власти».²⁰ И. Захарьин в воспоминаниях о службе в 1880-е гг. в Подольской губернии охарактеризовал почетного судью Килькевича, выходца из польской шляхты, как имеющего высшее образование, хорошо подготовленного для судебной деятельности и активно участвующего в заседаниях съезда. Сочетание профессионализма со знанием местности и «различных национальностей — евреев, шляхты и крестьян» делало поляков, по мнению Захарьина, оптимальными кандидатами на позиции в мировой юстиции.²¹ Мотивируя избрание поляков, Сквирский съезд в 1913 г. отмечал, что они «по высоконравственным качествам своим и знанию местных условий являются весьма желательными кандидатами на должность почетного мирового судьи».²² В 1905 г. от жителя Бердичева поступила жалоба на то, что участковый судья

¹² См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 14969, 15676.

¹³ См.: Гвиниев Г. Об устройстве съезда мировых судей в Закавказском крае // Юридическое обозрение. 1882. № 73. С. 353–360.

¹⁴ См.: Z. Z. Сенаторское обозрение на Кавказе // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 4. С. 33–52.

¹⁵ В. Н. Слинко (Некролог) // Юридическое обозрение. 1882. № 42. С. 62–64.

¹⁶ См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 67.

¹⁷ См.: Бессарабский адрес-календарь на 1875 год. Кишинев, 1875. С. 117–135; Бессарабский календарь на 1888 год. Кишинев, 1888. С. 23, 66, 71, 82, 88, 97, 111; Окунев Н. К вопросу об образовательном цензе и продолжительности службы мировых судей // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 2. С. 207–212.

¹⁸ См.: Окунев Н. Указ. соч.

¹⁹ См.: Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия. М., 2016. С. 87, 88, 106, 119, 120, 249–259, 258.

²⁰ П. П. О почетных мировых судьях в Северо-Западном крае // Русь. 1883. № 8. С. 61–63.

²¹ См.: Захарьин И. Н. Жизнь, служба и приключения мирового судьи. Из записок и воспоминаний. СПб., 1900. С. 94–98, 356–360.

²² РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 17140.

города состоит «в сговоре» с почетным судьей поляком В. Е. Каменским. Указывалось, что Каменский председательствует на съезде и «всегда разрешает дела в пользу поляков». Председатель Киевской палаты, проведя расследование, признал, что жалоба не обоснована, а судья Каменский «пользуется среди разноплеменного населения г. Бердичева всеобщим уважением». ²³ Материалы ревизий позволяют сделать вывод о большой вовлеченности поляков в дела мировой юстиции.

В Остзейском крае при проведении реформы в 1889 г. на большинство должностей участковых судей были назначены юристы из центральных губерний. Но почти всеми почетными судьями стали представители остзейских немцев (на 1890 г. — 85 %, 1900 г. — 86 %, 1913 г. — 74 %). Число немцев — почетных судей с 1890 по 1913 гг. выросло в 3,5 раза — с 51 до 176. Для них это стало компенсацией утраты ведущих позиций в дореформенной системе правосудия. ²⁴ Председатель съезда в Курляндской губернии А. А. Башмаков отмечал, что немцы очень дорожили доступом к институту почетных судей и отличались «рвением и усердием» на этой позиции. ²⁵ Ревельский публицист В. И. Роберг сообщал, что почетные судьи — немцы оказывали большое влияние на разрешение многих гражданских судебных дел. ²⁶

Сочетание общеимперского и регионально-законодательства служило объективной основой для сотрудничества русских участковых судей и почетных судей — немцев. Немцы были хорошо знакомы с местным гражданским правом и контекстом. По свидетельству почетного судьи Эстляндской губернии А. О. Шиллинга, большинству русских судей «удалось в короткое время освоиться с местными условиями и гражданскими законами». ²⁷ Большой вклад в эту адаптацию внесли почетные судьи — немцы. В. фон Бульмеринг отмечал, что немцы в качестве почетных судей годами плодотворно работали совместно с русскими судьями. В частности, экспертиза немцами-судьями многочисленных наследственных дел ускоряла работу судов, обеспечивала соответствие решений привычным нормам. Мемуарист подчеркнул

умение почетных судей-остзейцев отстаивать свою позицию на апелляционных заседаниях. ²⁸

Анализ корпуса почетных судей показывает, что и в других регионах этот институт стал механизмом представительства местных групп. Так, в Бессарабской губернии среди почетных судей были представлены бессарабские дворяне и городские деятели, греческое и армянское купечество, немецкие и швейцарские колонисты. По данным на 1873 г., доля такого рода представителей в корпусе почетных судей Бессарабии составила около 80 %. ²⁹ В Таврической губернии среди почетных судей были представлены крымско-татарские, караимские, греческие сообщества. ³⁰

Вокруг судов формировались сети околосоудебных посредников. Присяжные и частные поверенные, неофициальные адвокаты, консультанты, составители прошений играли значимую роль во взаимной адаптации имперского правосудия и местных сообществ.

В Прибалтийских губерниях, по данным на 1897 г., среди официально занятых в частной юридической сфере (адвокаты, нотариусы и служащие их контор) было 44 % немцев (доля среди всех занятых — 8 %). Доля латышей в частной юридической деятельности Лифляндской губернии составляла 18 %, Курляндской — 32 %; доля эстонцев в этой же сфере Лифляндской губернии — 10 %, Эстляндской — 34 %. ³¹ Открытие новых судов не вызвало притока судебных практиков из внутренних губерний. ³² Околосудебную нишу заняли местные юристы. В. И. Роберг сообщал, что среди присяжных поверенных доминируют остзейцы. Среди частных поверенных после реформы 1889 г. все более увеличивалась доля эстонцев и латышей, многие из которых получили опыт в волостной юстиции. ³³ Кроме родного языка они владели немецким и русским, ориентировались в имперском и местном праве. ³⁴

В западных губерниях поляки, слабо в силу кадровой политики представленные в пореформенных судах, восполняли это активностью

²³ Там же. Д. 10351.

²⁴ См.: Верняев И. И. Динамика кадрового состава... С. 77.

²⁵ Башмаков А. Балтийские преобразования и мировой институт // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. № 6. С. 32–34.

²⁶ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 236. Л. 1–2.

²⁷ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 1. Стб. 2764–2766.

²⁸ См.: Вильгельм фон Бульмеринг. Воспоминания // Даугава: литературно-художественный и публицистический журнал. 1995. № 4. С. 144.

²⁹ См.: Бессарабский адрес-календарь на 1973 год. Кишинев, 1873. С. 116–131.

³⁰ См.: Список чинам Министерства юстиции на 1875 год. СПб., 1875; Министерства юстиции на 1880 год. СПб., 1880.

³¹ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1905. Кн. 19. С. 148–151; Кн. 21. С. 146–149; Кн. 49. С. 82–89.

³² См.: Башмаков А. А. Указ. соч. С. 34, 35.

³³ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 236. Л. 1–20б.

³⁴ См.: Там же. Оп. 544. Д. 1095. Л. 201–2190б.

в частной адвокатуре. На 1897 г. в Юго-Западном крае их доля в частной юридической сфере составляла 24 % (при 4 % среди всех занятых).³⁵ По данным на 1895 г., при Новоградволинском мировом съезде из семи частных поверенных шестеро были поляками-католиками.³⁶ И. Захарьин отмечал большую значимость поляков в частной адвокатуре края.³⁷

Столь же деятельны в адвокатской сфере западных губерний были евреи, компенсируя официальный недопуск к судейским позициям. Так, на 1897 г. в частной юридической деятельности Юго-Западного края доля евреев составляла 22 % (при 14 % среди всех занятых; в Подольской губернии — почти треть, 31 %).³⁸ По данным на 1895 г., в Житомирском уезде Волынской губернии 12 из 19 частных поверенных были евреями, в Овручском — 2 из 4.³⁹ По данным за 1906 г., по Черкасскому уезду Киевской губернии, евреи составляли более половины корпуса частных поверенных при мировом съезде.⁴⁰

Поверенные из числа поляков и евреев Западных губерний внесли значительный вклад в процесс взаимной адаптации местных сообществ и новой имперской юстиции. Нелегальные сельские адвокаты разной национальности во многом обеспечили доступ крестьян к имперскому суду. В ревизионных отчетах отмечалось, что большое количество исков крестьян к своим бывшим помещикам осуществлялось при содействии «подпольной адвокатуры».⁴¹

Аналогичные процессы освоения околосудебной сферы представителями коренных сообществ наблюдались в Закавказье.⁴² По оценке «Юридического обозрения», в Тифлисском судебном округе присяжная адвокатура объединила «лучшие и интеллигентные силы» края. Из 58 человек 36 были православные (большинство — грузины), 14 — армяне-григориане, 4 — мусульмане. Адвокаты

сами выбирали, к какому суду приписаться, что обеспечивало возможность взаимодействия соотечественников с имперской юстицией.⁴³

По свидетельству Д. Р. Абашидзе, сельчане Кутаисской губернии активно обращались к мировой юстиции по самым разным поводам. Многие так любили участвовать в процессах, что «скучали, когда нет с кем-нибудь тяжбы». Село разделялось на группы поддержки, не пропускаая заседаний. Публичность соответствовала местной правовой культуре. Стороны действовали с помощью неформальных адвокатов («атукантов»). Они знали местные языки и быт, владели русским языком, освоили судебные правила, имели знакомство со служащими суда.⁴⁴ Роль локальной адвокатуры в освоении простонародьем имперской юстиции была одной из решающих.

Не следует недооценивать роль разнообразных судебных служащих — канцеляристов, переводчиков, приставов и т. п. — в адаптации и укоренении пореформенного правосудия. Эти позиции были более доступны для представителей широких слоев. Они выступали в роли посредников между имперской юстицией и жителями, помогая им освоить пореформенные институты. В ряде случаев канцеляристы обретали роль неформального досудебного института, в котором по факту разбирались и готовились дела для окончательного их решения в камере судьи.⁴⁵

В Прибалтийских губерниях большое значение имел институт секретарей крепостных отделений. В крае сохранялась остзейская система реестров недвижимости. После реформы эти позиции сохраняли местные уроженцы — выпускники Дерптского университета, знатоки остзейского законодательства с опытом работы в дореформенных судах. После 1889 г. крепостные отделения были созданы при каждом мировом съезде.⁴⁶ Без связи с этим институтом функционирование новой юстиции в крае было невозможно.

Важным каналом адаптации имперской юстиции на окраинах стало установление связи с этнословными, конфессиональными, общинными судами. Судебные уставы 1864 г.

³⁵ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1904. Т. 16. С. 168–169, 178–183; Т. 8. С. 154, 155, 164–171; Т. 32. С. 164, 165, 174–177.

³⁶ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 515 Д. 70. Л. 43.

³⁷ См.: Захарьин И. Н. Жизнь, служба... С. 127–135.

³⁸ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1904. Т. 8. С. 154–155, 164–171; Т. 16. С. 168–169, 178–183; Т. 32. С. 164–165, 174–177.

³⁹ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 515. Д. 70. Л. 9–90б., 72.

⁴⁰ См.: Там же. Оп. 545. Д. 17235. Л. 249–309.

⁴¹ Городынский Я. К. Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 г. Ч. 1 // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 2. С. 18–20.

⁴² См.: Квиркелия Д. В. Местный язык и мировая юстиция // Юридическое обозрение. 1883. № 99. С. 209–212.

⁴³ См.: Френкель А. Положение присяжной адвокатуры на Кавказе // Юридическое обозрение. 1881. № 21. С. 794–800.

⁴⁴ См.: Абашидзе Д. Р. Из деревни // Юридическое обозрение. 1882. № 55. С. 462–473.

⁴⁵ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 1095. Л. 201–219об.; Д. 654б.

⁴⁶ См.: Положения о преобразовании судебной части и крестьянских присутственных мест в прибалтийских губерниях. СПб., 1889. С. 37, 38, 40, 41; Забытые Государственной Думою судебные деятели // Рижский вестник. 1910. № 3.

оставили эти суды вне новой юстиции. Но дискуссии об оптимальном объединении общегражданской и партикулярных судебных систем продолжались. Балтийская реформа 1889 г. отчасти решила этот вопрос. Волостные суды эстонских и латышских крестьян в инстанционном отношении были соединены с мировыми судами. Коллегии председателей волостных судов составляли верхние крестьянские суды (ВКС) как апелляционные инстанции. Мировые съезды курировали волостные суды и ВКС, служили для них кассационной инстанцией. Председатели съездов занимались систематизацией местных правовых норм.⁴⁷ Если в первые годы после реформы большинство председателей ВКС составляли немцы, то к 1910-м гг. до 75 % этих позиций заняли латыши и эстонцы.⁴⁸ Большая их часть имела опыт волостной службы, некоторые получили юридическое образование.⁴⁹

Закавказские мировые судьи в округах с мусульманским населением тесно контактировали с меджлисами. В делах по семейно-брачным и наследственным спорам учитывалось экспертное мнение мусульманских знатоков шариата. В суды приглашались духовные лица, запрашивались заключения меджлисов. В свою очередь, мировые судьи удостоверяли примирительные сделки меджлисов.⁵⁰

Встречаются свидетельства о сотрудничестве мировых судей с непризнанными судами. Так, И. Захарьин, судебная камера которого располагалась в городе Хмельнике, практиковал неформальные внесудебные заседания с членами местного еврейского суда. На этих нелегальных коллегиях благодаря посредничеству мирового судьи удавалось достигнуть взаимоприемлемого и для общины, и для сторон конфликта решения. На официальном судебном заседании соглашение оформлялось документально.⁵¹

С учетом балтийского опыта в 1912 г. была проведена новая реформа суда. В соответствии с ней во внутренних губерниях был восстановлен мировой суд. Волостные суды переходили

из МВД в министерство юстиции. Созданные отчасти по образцу прибалтийских ВКС верхние сельские суды служили апелляционной инстанцией. Но отличием стало то, что верхний сельский суд возглавил мировой судья. Членами коллегии были председатели волостных судов. Кассационной инстанцией определен мировой съезд. Предполагалось, что в дальнейшем эта модель объединения народного и имперского правосудия будет распространена и на окраинах. Участники дискуссии отмечали, что такая реформа будет способствовать дальнейшей региональной адаптации имперской системы, преодолению языкового барьера, сближению правовых культур.⁵²

Результаты распространения мировой юстиции на окраины империи можно оценить по динамике гражданских дел. Как видно из таблицы, количество гражданских дел (в расчете на 1 тыс. чел.) в низовых имперских судах после реформы увеличилось в разы. В лидерах была Бессарабская губерния в силу особого развития здесь мелкого частного землевладения и торговой деятельности, особенностей сословной структуры, доступности и качества мировых судов.⁵³ По всем окраинам наблюдался неуклонный рост судебной активности. Значительный вклад внесли процессы региональной адаптации и укоренения имперского правосудия.

Подведем итоги. Распространение судебных реформ сопровождалось проблемами, связанными с языковым барьером, различиями правовых культур, этноконфессиональным разнообразием, ломкой институтов, унификацией, оттеснением местных элит. Все это было факторами отчуждения новой юстиции и сообществ. Однако сформировались и противоположные тенденции. Шли процессы региональной стабилизации судебных корпусов. Происходило увеличение числа местных уроженцев среди судей. Все чаще на судебных должностях появлялись выходцы из средних и низших слоев. В то же время для традиционных элит важным каналом участия в новой юстиции стали должности почетных судей. На окраинах мы видим большую востребованность этих позиций. В ряде регионов институт почетных судей стал

⁴⁷ См.: Новые местные русские издания // Рижский вестник. 1892. № 78.

⁴⁸ См.: Список чинам Министерства юстиции за 1890 год. СПб., 1890. Ч. 3. С. 152–178; Список чинам Министерства юстиции за 1913 год. СПб., 1913. С. 47–105.

⁴⁹ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 2148. Л. 1–76.

⁵⁰ См.: Ефимов В. Заметки о мусульманском наследственном и семейственном праве // Юридическое обозрение. Ежедневный журнал. 1886. № 278. С. 297–300; Быков Ф. А. Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе // Юридическое обозрение. 1883. № 112. С. 72–82.

⁵¹ См.: Захарьин И. Н. Жизнь, судьба... С. 189–211.

⁵² См.: Верняев И. И. Реформа местного суда 1912 г. в имперском измерении: как строить общие институты в многоэтническом обществе // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 966–982.

⁵³ См.: Верняев И. И. Мировая юстиция в Бессарабской губернии. С. 5–15.

Таблица

ДИНАМИКА СУДЕБНОЙ АКТИВНОСТИ

Губерния, уезд, город	Количество маловажных гражданских дел в дореформенных инстанциях на 1 тыс. человек	Количество гражданских дел в мировых судах на 1 тыс. человек		
	1863–1864 гг.	1885 г.	1897 г.	1913 г.
Бессарабская губ.	1	31	—	—
Измаильский уезд	—	39	60	95
г. Кишинев	—	—	65	137
Юго-Западный край				
Киевская губ.	2	13	17	29
Волынская губ.	2	14	15	20
Подольская губ.	2	12	13	17
Северо-Западный край				
Могилевская губ.	2	11	15	—
Витебская губ.	6	13	18	—
Минская губ.	3	13	17	—
Гродненская губ.	—	14	18	—
Виленская губ.	—	13	13	—
Ковенская губ.	4	15	15	—
Прибалтийский край				
Лифляндская губ.	—	—	23	38
Курляндская губ.	—	—	23	28
Эстляндская губ.	—	—	13	22
Закавказье				
Тифлисская губ.	—	30	28	41
Кутаисская губ.	—	29	28	48
Бакинская губ.	—	15	19	35
Елисаветпольская губ.	—	10	12	16
Эриванская губ.	—	13	11	17

Составлено по: Судебно-статистические сведения и соображения о введении судебных уставов 20 ноября 1864 г. СПб., 1864–1866. Ч. 1–3; Сборник статистических сведений Министерства юстиции. СПб., 1887. Вып. 1; СПб., 1898. Вып. 13; СПб., 1911. Вып. 25; СПб., 1915. Вып. 29. Ячейки с прочерком означают, что нет данных, мировая юстиция еще не создана или уже упразднена.

каналом представительства этноконфессиональных и этносословных групп.

Новая юстиция сформировала многочисленную среду внутри- и окосудебных официальных и неофициальных деятелей: секретарей, канцеляристов, переводчиков, приставов, адвокатов, ходатаев, консультантов и т. д. По большей части это были местные люди. Они выступили еще одним важным каналом взаимной адаптации пореформенного имперского правосудия и местных сообществ. Реформа создала новых медиаторов, открыв карьерные возможности для более широких слоев населения.

Результатом аккомодации имперской юстиции на окраинах стал существенный рост судебной активности. Все большее количество людей разных страт становились участниками судебных процессов — в качестве сторон, свидетелей, «сведущих людей», зрителей. При изучении процессов централизации и унификации не следует игнорировать противоположные тенденции — возрастание значимости и субъектности регионов и местных сообществ, их активность в освоении новых имперских институтов, регионализацию, контекстуализацию и адаптацию имперской управленческой и судебной систем.

Igor I. Verniaev

Candidate of Historical Sciences, Saint Petersburg State University; Tyumen State University (Russia, Saint Petersburg; Tyumen)

E-mail: i.verniaev@spbu.ru

REGIONALIZATION, ADAPTATION AND INTEGRATION OF POST-REFORM JUSTICE ON THE RUSSIAN EMPIRE'S BORDERLANDS

The extent to which the 1864 judicial reforms were successful is a topic of ongoing debate, particularly in relation to the Empire's periphery. Some scholars argue that the reforms were a failure, leading to the dismantling of established local judicial systems, inconsistency with the multicultural context, and alienation of the population from the new justice system. However, there are also arguments in favor of the reforms, focusing on the adaptation of the new justice system to local communities and the stabilization of judicial personnel in the regions. The article explores the processes of regionalization and integration of the new imperial judicial and legal institutions, specifically in the western borderlands and Transcaucasia. The analysis of sources reveals the regional stabilization of the justices of the peace courts personnel, with an increasing number of local natives becoming judges. The study investigates the role of honorary judges in incorporating traditional elites and ensuring representation of ethnic and religious groups. The article also examines the involvement of various intermediaries in the processes of mutual accommodation between the new justice system and local communities. The interaction between post-reform courts and local estate, ethnic and confessional judicial institutions is discussed. The conclusion assesses the dynamics of judicial activity of the population of the peripheries of the empire. It is pointed out that the interaction between local communities and post-reform imperial justice grew significantly.

Keywords: Russian Empire, borderlands, post-reform justice, ethno-confessional and local communities, institutional intermediaries, regionalization and adaptation of judicial institutions

REFERENCES

- Baberowski J.** *Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914*. Frankfurt am Main: V. Klostermann, 1996. (in German).
- Baberowski J.** Law, the Judicial System and the Legal Profession. *Cambridge History of Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, vol. 2, pp. 344–368. (in English).
- Kirmse S.** *The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. (in English).
- Krakovsky K. P.** *Sudoustroystvo i sudoproizvodstvo v Rossii perioda sudebnykh reform (1864–1881 gody)* [Judicial Organization and Legal Proceedings in Russia during the Period of Judicial Reforms (1864–1881)]. Moscow: Norma Publ., 2019. (History of Court and Justice in Russia; vol. 4). (in Russ.).
- Medushevsky A. N.** *Rossiyskaya pravovaya traditsiya — opora ili pregrada? Doklad i obsuzhdeniye* [Russian Legal Tradition — A Support or a Barrier? Report and Discussion]. Moscow: Fond “Liberal'naya Missiya” Publ., 2014. (in Russ.).
- Mirovaya yustitsiya v Rossii: sozdaniye, deyatelnost', istoricheskaya missiya** [Justice of the Peace in Russia: Creation, Activities, Historical Mission]. Moscow: Prospekt Publ., 2016. (in Russ.).
- Neuberger J.** When the Word Was the Deed: Workers vs. Employers Before the Justices of the Peace. *Workers and the Intelligentsia in Late Imperial Russia: Realities, Representations, Reflections*. Berkeley: University of California Press, 1999, pp. 292–308. (in English).
- Pearson Th.** Russian Law and Rural Justice: Activity and Problems of the Russian Justices of the Peace, 1865–1889. *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, 1984, vol. 32, iss. 1, pp. 52–71. (in English).
- Shatkovskaya T. V.** [The Realization of the Law Ideas of the Russian Citizens about the Fair Justice in the Process of Adaptation to the Justice of Peace Institution]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2012, no. 5, pp. 38–42. (in Russ.).
- Velychenko S.** Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? *The Russian Review*, 1995, vol. 54, no. 2, pp. 188–208. (in English).
- Vernyaev I. I.** [Adaptation of Imperial Jurisdiction of Magistrates' courts in Transcaucasia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2019, no. 4, pp. 1240–1256. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.405 (in Russ.).
- Vernyaev I. I.** [Changes in the Staff of the Imperial Justice of the Peace in the Baltic Region, 1889–1913: Russification vs Indigenization, Elitism vs Democratization]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 2023, no. 1 (45), pp. 61–93. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.5 (in Russ.).

Vernyaev I. I. [Justice of the Peace in the Bessarabia Province: A Comparative Analysis in the Imperial Context]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal of History], 2020, no. 63, pp. 5–15. DOI: 10.17223/19988613/63/1 (in Russ.).

Vernyaev I. I. [Professionalization, Democratization, and Nativization of the Justice of the Peace Corps in the South-Western Provinces in the Late Imperial Russia]. *Bylye gody* [Bylye Gody — Russian Historical Journal], 2021, no. 16 (4), pp. 1835–1848. DOI: 10.13187/bg.2021.4.1835 (in Russ.).

Vernyaev I. I. [The Reform of Local Court of 1912 in Imperial Dimension: The Making of Common Institutes in Plural Society]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2018, vol. 8, no. 4, pp. 966–982. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.412 (in Russ.).

Vernyaev I. I. *Istoricheskaya dinamika sudebno-pravovoy integratsii Rossiyskoy imperii* [Historical Dynamics of Judicial and Legal Integration of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2021. (in Russ.).

Для цитирования: Верняев И. И. Регионализация, адаптация и укоренение пореформенной юстиции на окраинах Российской империи // Уральский исторический вестник. 2024. № 1(82). С. 33–42. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-33-42.

For citation: Verniaev I. I. Regionalization, Adaptation and Integration of Post-Reform Justice on the Russian Empire's Borderlands // Ural Historical Journal, 2024, no. 1(82), pp. 33–42. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-33-42.